

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИНСТИТУТ АФРИКИ

ВОСТОК

Афро-азиатские общества: история и современность

2008

4

ИЮЛЬ–АВГУСТ

Выходит 6 раз в год

Основан в январе 1955 г.

Выходил под названиями: “СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ” (1955–1958),
“ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ” (1959–1961),
“НАРОДЫ АЗИИ И АФРИКИ” (1961–1990)

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор

В.В. НАУМКИН

Редколлегия	Редакция
Л.Б. АЛАЕВ	А.В. ГУДЫМЕНКО
Ю.Г. АЛЕКСАНДРОВ	зам. гл. редактора
В.М. АЛПАТОВ	отдел экономики и социологии
Д.Д. ВАСИЛЬЕВ	Т.М. МАСТЮГИНА
А.В. ГУДЫМЕНКО	ответственный секретарь
А.Б. ДАВИДСОН	К.А. ГЕВОРГЯН
Е.И. КЫЧАНОВ	отдел политологии
И.П. ЛЕБЕДЕВА	<u>Л.С. КАЛЁНОВА</u>
Б.А. ЛИТВИНСКИЙ	отдел культурологии
Т.М. МАСТЮГИНА	Р.Г. КАНТОРОВИЧ
О.Е. НЕПОМНИН	отдел критики и библиографии
В.Я. ПОРХОМОВСКИЙ	С.С. НИКИФОРОВА
Р.Б. РЫБАКОВ	отдел “Научная жизнь”
Б.Г. СЕЙРАНЯН	В.А. ТЮРИН
С.Д. СЕРЕБРЯНЫЙ	отдел истории
И.В. СЛЕДЗЕВСКИЙ	В.В. ЗУФАРОВА
Н.А. СИМОНИЯ	зав. редакцией
В.А. ТИШКОВ	Л.Ф. ОРЛОВА
В.А. ТЮРИН	редактор

МОСКВА

“Н А У К А”

СОКРОВИЩНИЦА МЫСЛИ ВОСТОКА

БОДХИСАТТВА В УТРОБЕ МАТЕРИ
“Лалитавистара”. Гл. 6. Схождение в утробу

© 2008

ВСТУП. СТ., ПЕР. С САНСКРИТА И КОММЕНТ. М.А. РУСАНОВА

Древнейшее собрание буддийских текстов, Палийский канон (“Типитака”), не содержит последовательно изложенного жития Будды Гаутамы. Главной ценностью для ранней буддийской общины, которую следовало бережно сохранить и передать будущим поколениям, была *дхарма* – учение, изложенное Буддой во множестве бесед и проповедей. Именно речи Учителя вспоминали, согласно легенде, участники первого собора в Раджагрихе. Конечно, в “Типитаке” встречается множество рассказов об обстоятельствах, при которых состоялась беседа; проповеди нередко содержат те или иные рассказы в качестве иллюстративного материала. И все же ранние палийские авторы уделяли значительно больше внимания словам создателя *сангхи*, чем его биографии. Это не значит, что в раннем буддизме не было интереса к деяниям Будды. Такой интерес должен был существовать всегда: без рассказов о чудесах, о прошлых жизнях, о достижении просветления и тому подобном в древней Индии (да и в современной) не смог бы обойтись ни один основатель религиозной общины. Свидетельств о существовании подобных рассказов немало в “Типитаке”. Однако тот факт, что составители канона *тхеравады* не стремились выстроить из этих эпизодов единое агиографическое повествование, доказывает, что статус таких историй был существенно ниже статуса проповедей, облекающих в слова буддийскую *дхарму*. Значительная часть житийных сказаний, вероятно, первоначально существовала в форме религиозного фольклора, не предполагавшего строгой фиксации.

В первые века нашей эры ситуация стала меняться. Буддизм к этому времени уже был разделен на полемизировавшие друг с другом школы, и во многих из них параллельно шла работа, направленная на создание биографии того, кто “повернул колесо дхармы” [Warder, 2004, p. 317–319]. Новые веяния зафиксированы не только в виде письменных текстов. Если в раннем буддийском искусстве Будду не изображали, заменяя его образ символами (например, колесом или деревом), то в искусстве Гандхары (I–III вв. н.э.) Гаутама и эпизоды его биографии становятся главным предметом изображения [Winternitz, 1977, p. 254–255]. Для многих Будда превратился в объект поклонения, и теперь его жизнь следовало изваять в камне, изобразить на фресках и описать в книгах. Старые фольклорные предания собираются, редактируются, дополняются новым материалом и становятся памятниками буддийской агиографии, такими как “Махавасту”, “Лалитавистара” и палийская “Ниданакатха”. Лишь малая часть этой литературы дошла до нас в оригинале. Некоторые произведения известны в тибетских и китайских переводах, а многие и совсем утрачены.

Ниже предлагается перевод одной главы из известного жизнеописания Будды и одновременно важнейшего текста махаяны – “Лалитавистары”. Толкование названия “Lalitavistara” представляет определенные трудности. Большинство буддологов рассматривает слово “lalita” как субстантивированное прилагательное, означающее “игра”, “забава”. При этом название памятника толкуется как “the exhaustive narrative of the sport of the Buddha” [Nariman, 1998, p. 19], “the extended account of the sports (of the future Buddha)” [Thomas, 2005, Introd., p. 20], “пространное повествование о прелести [жизни и Слова Будды]” [Андросов, 2001, с. 58] и т.д. Такое понимание восходит еще к Ф. Фуко, сделавшему французский перевод тибетского [Foucaux, 1847], а затем и санскритского [Foucaux 1884–1892] текстов “Лалитавистары” и понимавшему название как “Development des jeux”. Однако “lalita” вполне можно рассматривать и в качестве прилагательного со значением “изящный”, “прекрасный”. Тогда название памятника – “Изящный пространный рассказ” или, более кратко, “Изящные подробности”. Такое понимание представляется предпо-

читительным, так как “Лалитавистара” не просто повествование о деяниях Бодхисаттвы: создатели жития явно постарались украсить рассказ знакомыми им фигурами традиционной риторики.

Книга делится на главы, называемые *parivarta*, букв. “поворачивание”, что служит указанием на “поворачивание колеса дхармы” (метафора буддийской проповеди). В каждой главе повествование совмещает стихи и прозу. При этом весьма характерен прием, когда о событии сначала рассказывается прозой, а затем стихами. Стихотворный рассказ обычно существенно короче прозаического. Бывает и так, что два рассказа противоречат друг другу в деталях. Кроме того, нельзя не заметить значительные языковые различия между стихотворными и прозаическими текстами памятника. Проза “Лалитавистары” написана на вполне нормативном санскрите и отличается от него лишь использованием некоторых специальных буддийских терминов, тогда как поэзия (*gāthā*) представляет собой типичный образец так называемого буддийского гибридного санскрита, т.е. постоянное смешение санскритских и среднеиндийских (пракритских) словоформ. Все эти обстоятельства уже давно позволили ученым сделать вывод о том, что стихи “Лалитавистары” гораздо древнее ее прозы. Более того, эти стихи, вероятно, первоначально не составляли единой книги; это были отдельные стихотворения или песни на житийные темы, “религиозные баллады”, как называл их М. Винтерниц [Winternitz, 1977, p. 253]. Некоторые произведения такого рода включены и в Палийский канон; голландский ученый Г. Керн даже обнаружил сходство между рядом строф “Лалитавистары” и “Махавагги” [Kern, 1996, p. 9–14]. В первые века нашей эры (более точная датировка вряд ли возможна) эти стихи были собраны, а затем объединены с помощью “изящного и пространныго” прозаического рассказа. Однако и сам этот рассказ неоднороден: согласно китайской традиции, “Лалитавистара” создана в относящейся к хиньяне школе сарвастивада [Nariman, 1998, p. 19], но тот текст, который дошел до нас, был переработан и расширен в ранней махаяне [Warder, 2005, p. 319], а встречающиеся в произведении упоминания *виджраяны* (возникла после VI в. н.э.) свидетельствует, что переработка продолжалась и далее. В целом следует признать справедливим утверждение, что памятник складывался примерно в течение 1000 лет [Андросов, 2001, с. 59].

То обстоятельство, что житийная литература формировалась и перерабатывалась внутри конкретных школ, весьма важно. Каждый ее памятник – это не просто изложение событий, в которые следовало верить, но и отстаивание взглядов представителей определенного течения в буддизме, возведение этих взглядов к самому Будде. Группируя эпизоды, подчеркивая одни детали и опуская другие, каждая школа выстраивала свою концепцию Бодхисаттвы, часто полемически направленную против других школ. Иными словами, все памятники буддийской агиографии в высшей степени тенденциозны. Когда европейские буддологи в многочисленных книгах о жизни Будды выбирают рассказы из разных источников, стремясь отделить исторические сведения от легенд, теряется как раз эта тенденциозность каждого конкретного жизнеописания. Строго говоря, никаких достоверных исторических сведений о жизни человека, основавшего буддийскую общину, у нас нет. Все, что известно о Будде Гаутаме, будь то вполне правдоподобные рассказы или фантастические истории, является частью агиографии и должно рассматриваться как один из вариантов построения жития святого в индийской культуре. Задачу следовало бы видеть не в том, чтобы отделить правдивые сведения от вымышленных (мы не имеем сколько-нибудь надежных критериев для такого разделения), а в том, чтобы проанализировать структуру каждого памятника, попытаться понять стратегию его создателей, выяснить, как и с какими задачами они обрабатывали элементы общего предания.

Важнейшая идея “Лалитавистары”, тот стержень, на котором держится вся ее концепция, – это представление о сверхъестественной природе Бодхисаттвы, изображенного как *devātidēva* (“бог над богами”). Ни в чем не нуждающийся, всеведущий и всемогущий, пребывающий в центре буддийского космоса Бодхисаттва поступает как человек, проходит путь человеческой жизни, но лишь затем, чтобы указать людям путь к спасению. Все события его земной биографии это *anuvartanā* (букв. “движение вослед”) – повторение, имитация действий обычного человека [Edgerton 1998, т. 2, с. 33]. Этим весьма последовательно определяется вся стратегия разработки отдельных житийных эпизодов. Так, сходение Бодхисаттвы в земной мир должно внешне выглядеть как рождение живого существа от отца и матери, и в то же время это событие следует представить как нечто исключительное, не имеющее ничего общего с обычным рождением. Из текста приведенной далее главы можно понять, как была решена задача такого рассказа. Вопрос об историзме здесь неуместен, поскольку речь идет о пребывании Бодхисаттвы в утробе матери, царицы Майи, куда он, сохраняя сознание и память, сходит с неба Тушита (см. Комм. 5). Однако,

не представляя интереса для очередного сочинения об историческом Будде, эта глава содержит много интересных сведений о понимании Будды в махаяне.

“Лалитавистара” не единственный буддийский текст, уделяющий внимание событиям, предшествовавшим появлению на свет Бодхисаттвы. В “Мадджхима-никае” [Majjhima-ṅikāya, p. 123] Палийского канона рождению Гаутамы посвящена “Accharyabbhutaḍḍhamma-sutta” (Сутта об удивительных и чудесных качествах). В этой сутте Ананда по приказу Будды повторяет то, что он слышал от самого Будды, – о сверхъестественных свойствах будд. Эти свойства реализуются прежде всего в обстоятельствах рождения будущего Учителя. Здесь встречается несколько тем, которые получают развитие и в “Лалитавистаре”. Бодхисаттва сохраняет сознание, спускаясь в земной мир. «Я слышал и усвоил это, почтенный, от самого Господина: “Наделенный памятью и сознанием, Ананда, Бодхисаттва, оставил мир Тушита и вошел в утробу матери”» [Majjhima-ṅikāya, p. 200]. Мать Бодхисаттвы не испытывает недомогания при беременности, а сам он не проходит обычных стадий эмбрионального развития. «Я слышал и усвоил это, почтенный, от самого Господина: “Когда Ананда, Бодхисаттва сошел в утробу матери, мать Бодхисаттвы не чувствовала никакой боли; мать Бодхисаттвы пребывала счастливой. и тело ее не страдало; мать Бодхисаттвы видела Бодхисаттву в своем чреве, наделенного всеми частями тела и органами чувств”» [Majjhima-ṅikāya, p. 204]. Будущий Будда рождается чистым, пребывание во чреве не оскверняет его. «Я слышал и усвоил это, почтенный, от самого Господина: “Когда Ананда, Бодхисаттва выходил из утробы матери, он выходил чистым, не запачканным водой, не запачканным слизью, не запачканным кровью, не запачканным ничем нечистым. [он был] чистым и незапятнанным”» [Majjhima-ṅikāya, p. 206].

Пребывание Бодхисаттвы в материнской утробе описано и в другом знаменитом памятнике буддийской агиографии – “Махавасту”: “Бодхисаттва, вошедший в утробу матери, не находился ни слишком высоко, ни слишком низко; не был ни лежащим на спине, ни лежащим на животе; не находился в левом боку; не сидел на корточках. Он сидел, скрестив ноги, в правом боку [матери]. Бодхисаттва, вошедший в утробу матери, не был вымазан и осквернен ни желчью, ни слизью, ни чем-либо нечистым. Тогда умащенный, вымытый и с чистыми частями тела Бодхисаттва пребывал в утробе матери. Бодхисаттва, вошедший в утробу матери, видел мать, и мать Бодхисаттвы видела вошедшего в [ее] утробу Бодхисаттву, [чье] тело словно бы из золота, и, видя, радовалась” [Mahāvāstu, 2003, p. 12].

Наличие общих мотивов свидетельствует о том, что выделение беременности царицы Майи в отдельный этап жития Будды восходит к раннему этапу формирования предания. Однако все эти сообщения о чудесной беременности и удивительном рождении крайне далеки от той величественной, космической картины схождения Бодхисаттвы в земной мир, которую удалось представить создателям “Лалитавистары”.

Перевод выполнен по изданию, опубликованному П.Л. Вайдья в серии “Buddhist Sanskrit Text” [Lalitavistara, 1958].

ПЕРЕВОД

И вот, монахи¹, когда закончился зимний сезон, в месяце *вайшакха*, когда [луна] миновала созвездие Вишакха², в лучшее из времен года, в весеннюю пору, когда деревья покрылись прекрасной листвой, когда расцвели самые лучшие цветы, когда не стало ни холодной тьмы, ни горячей пыли, когда выросла нежная трава, Бодхисаттва, лучший в трех мирах, почитаемый в мире, точно рассчитав сезон и время, в пятнадцатый день месяца, в полнолуние, при соединении [луны] с созвездием Пушья³, когда мать соблюдала обет пошадха⁴, покинул прекрасный мир Тушита⁵, принял облик белого слоненка с красной головой и шестью золотыми бивнями и, сохраняя сознание и память⁶, имея все части тела и полностью развитые органы чувств, вошел в правый [бок] утробы матери. И войдя, пребывал в правой части, но не в левой части. А царица Майя, спокойно спавшая на ложе, увидела такой сон:

1.* Сияющий, словно снег или серебро, владыка слонов с шестью бивнями, со стройными ногами, с красивым хоботом, с красной головой, с изящной походкой, с сочленениями тела, прочными, как алмаз, вошел в [ее] утробу⁷.

2. “Такого счастья я никогда не видела, не испытывала и [о таком] не слышала; чувствуя наслаждение в теле и блаженство в душе, я словно была погружена в медитацию”.

Тогда царица Майя, равнодушная к украшениям, безмятежная умом и телом обретшая радость, веселье и покой, поднялась с лучшего ложа и в окружении толпы женщин, сопровождаемая [ими], спустившись с вершины лучшего дворца, пришла в ашоковую⁸ рощу. И удобно усевшись в ашоковой роще, она послала вестника к царю Шуддходане, [сказав]: “Господин, приходи, царица хочет тебя видеть”.

Тогда царь Шуддходана, услышав эти слова, с радостным сердцем, с затрепетавшим телом, поднялся с трона и, окруженный советниками, горожанами, членами собрания, родственниками, пришел к ашоковой роще, но, придя, не смог войти в ашоковую рощу. Он словно бы ощутил в себе возросшую тяжесть. Стоя в дверях ашоковой рощи, задумавшись на мгновение, он произнес тогда такую гатху:

3. “Не припомню, чтобы у меня, пребывающего во главе [войска], в опьянении битвы, тело было таким тяжелым, каким оно кажется мне сегодня; я не могу войти в собственное родовое жилище⁹, что это сделалось с моим телом, кого мне спросить?”.

И тогда боги шуддхаваса¹⁰, появившиеся в небе, сделав видимой половину [своего] тела, сказали царю гатху:

4. “Наделенный достоинствами подвижничества и обетов, почитаемый в трех мирах, обретший дружелюбие и сострадание, освященный добродетелями и знанием, великий духом Будхисаттва, спустившись из города Тушита¹¹, сделался, царь, твоим сыном во чреве Майи”.

5. Тогда, сложив руки, покачивая головой, выказывая почтение, царь вошел и, увидев Майю, свободную от гордости и тщеславия, [спросил]: “Скажи, что мне сделать, расскажи, что тебе нужно?”

Царица сказала:

6. “Подобный снегу и серебру, [сиянием] превосходящий солнце и луну, со стройными ногами, хорошо сложенный, с шестью бивнями, великий духом лучший из слонов, с прочными сочленениями [тела], подобный алмазу, прекрасный обликом, вошел в мое чрево, – поведай о причине этого¹².”

7. Я вижу три тысячи миллионов¹³ сияющих богов, которые на своих колесницах возносят хвалу; нет во мне ожесточения и злобы, нет гнева и помрачения ума; наделенная счастьем медитации, я испытываю умиротворенность.

8. Воистину, царь, скорее призови сюда брахманов, толкователей сновидений и Вед, знатоков домашних обрядов, ведь этот мой сон вещий, правдивый; что меня ждет, благо или несчастье [нашего] рода?”.

9. Услышав эту речь, царь тут же призвал брахманов, знающих Веды, постигших науки, и Майя, встав перед [ними], сказала брахманам: “Я увидела сон, поведайте о его причине”.

Брахманы сказали: “Расскажи, госпожа, какой сон ты видела, выслушав, мы пойдем”.

Царица сказала:

10. “Подобный снегу и серебру, [сиянием] превосходящий солнце и луну, с прекрасными ногами, хорошо сложенный, с шестью бивнями, великий духом лучший из сло-

* Здесь и далее в тексте перевода нумерация отмечает стихотворные части оригинала. – Прим. переводчика.

нов, с прочными сочленениями [тела], подобный алмазу, прекрасный обликом, вошел в мое чрево, – поведайте о причине этого”.

11. Выслушав эту речь, брахманы сказали так: “Следует ждать великой радости, нет беды для [твоего] рода, знай, у тебя [будет] сын, благородного царского рода, с телом, украшенным признаками¹⁴, великий чакравартин.

12. Он же, оставив город, желанное царство¹⁵ и дом, став бродячим аскетом, свободным от привязанностей, сострадающим всему миру, делается Буддой, почитаемым в трех мирах; весь мир он напоит превосходной влагой амриты”.

13. Приятным голосом произнеся предсказание, отведав царской пищи и взяв дары, брахманы ушли.

И вот, монахи, царь Шуддходана, выслушав брахманов, предсказателей, толкователей примет, умеющих истолковывать сны, довольный, радостный, ликующий, веселый, счастливый и благоденствующий, досыта накормив тех брахманов обильной твердой и жидкой пищей, а также сладостями, одарив, отпустил [их]. В то время в великом городе Капилавасту¹⁶, у четырех городских ворот, на всех городских перекрестках он раздал дары: еду – просящим еды, питье – просящим питья, одежду – просящим одежды, повозки – просящим повозок. А тем, кто просил потребного для жизни, [дал] потребное для жизни в виде благовоний, гирлянд, умящений, постелей; [все] это, чтобы почтить Бодхисаттву.

Тогда, монахи, царь Шуддходана подумал: “В каком доме царица Майя, будет жить счастливо и спокойно?” И в тот же миг четыре великих владыки [стран света]¹⁷, представ перед царем Шуддходаной, сказали:

14. “Не тревожься, господин, живи счастливо и без волнений, мы построим дом для Бодхисаттвы”.

И вот Шакра, владыка богов, подойдя к царю Шуддходане, сказал:

15. “Не годятся превосходные дворцы хранителей [стран света], я дам Бодхисаттве дом, подобный Вайджайанте¹⁸”.

И вот бог Суйама¹⁹, подойдя к царю Шуддходане, сказал:

16. “Десятки миллинов шакр²⁰ приходят в изумление, увидев мой дворец – прекрасный дворец Суйамы я дам для Бодхисаттвы”.

И вот бог Сантушита²¹, подойдя к царю Шуддходане, сказал:

17. “В котором достославный жил прежде среди [богов] Тушита, этот превосходный дворец я отдам Бодхисаттве”.

И вот бог Сунирмита²², подойдя к царю Шуддходане, сказал:

18. “Созданный мыслью, прекрасный дворец, построенный из драгоценных камней, я доставлю, о царь, чтобы почтить Бодхисаттву”.

И вот бог Владеющий Магическими Творениями Других²³, приблизившись к царю Шуддходане, сказал:

19. “Сколько ни есть в мирах желания²⁴ прекрасных дворцов, сияние моего дворца затмевает их блеск.

20. Я отдам этот прекрасный, благой дворец, построенный из драгоценных камней, я принесу [его], о царь, чтобы почтить Бодхисаттву.

21. Я доставлю [сюда] просторный, усыпанный божественными цветами, благоухающий божественными ароматами [дворец], в нем будет жить царица”.

И вот, о монахи, все владыки богов Живущих [в Мире] Желаний, чтобы почтить Бодхисаттву, воздвигли свои дворцы в великом городе, [носящем] имя Капилы. И царь Шуддходана приготовил лучший из дворцов, прекраснее человеческих [жилищ] и великолепнее божественных. Там великое существо Бодхисаттва силой медитации *махавьюха*²⁵ сделал царицу Майю явленной во всех тех дворцах. И вошедший во [чрево матери] Бодхисаттва восседал на ложе в правой стороне утробы царицы Майи. И каждый из всех тех богов думал: “В моем доме живет мать Бодхисаттвы, а не в другом”.

Об этом говорится так:

22. Пребывающий в медитации *махавьюха* [Бодхисаттва], создав непостижимое магическое творение, удовлетворил всех богов, и желание царя тогда было исполнено.

Тогда в том собрании богов некоторые боги подумали: “Даже четыре великих бога повелителя, войдя в человеческое тело, низводятся до неведения. Что уж говорить о других благороднейших богах, о тридцати трех, или о [богах] из мира Ямы, или из мира Тушита? Так как же превосходящий все миры Бодхисаттва, чистый, свободный от дурного запаха, драгоценный камень среди существ, спустившись из обители богов Тушита в зловонное человеческое тело, десять месяцев пребывал в утробе матери?”²⁶.

И вот достопочтенный Ананда²⁷, побужденный Буддой, сказал Господину²⁸ так: “Удивительно, Господин, ведь женщины должны вызывать отвращение, и, как сказано Татхагатай, они подвластны страсти. И вот что, Господин, еще удивительней. Как же Господин, вознесшийся выше всех миров и еще прежде ставший Бодхисаттвой, из обители богов Тушита спустившись в зловонное человеческое тело, находился в правой стороне утробы матери? Не осмеливаюсь я, Господин, повторять то, что до этого рассказал Господин”. Господин сказал: “Ты хочешь, Ананда, увидеть достояние Бодхисаттвы – *ратнавьюху*²⁹, которая [тогда] была достоянием вошедшего в утробу матери Бодхисаттвы?” Ананда сказал: “Сейчас, Господин, время для этого, сейчас, Сугата³⁰, момент для того, чтобы Татхагата показал это достояние Бодхисаттвы; увидев его, мы возрадуемся”.

И тогда Господин подал такой знак, что Брахма, владыка земли, вместе с шестьюдесятью восемью тысячами брахм пребывающий в мире Брахмы³¹, предстал перед Господином. Поклонившись ногам Господина и трижды обойдя вокруг [него]³², он встал поодаль и, сложив руки, приветствовал Господина. Тогда Господин, узнав Брахму, сказал владыке земли: “Ты, Брахма, забрал десятимесячное достояние Бодхисаттвы, то, что было у меня, еще прежде ставшего Бодхисаттвой, во время пребывания в утробе матери”. Брахма сказал: “Это так, Господин. Это так, Сугата”. Господин сказал: “Где оно теперь, Брахма? Покажи его”. И Брахма сказал: “Оно в мире Брахмы, Господин”. Господин сказал: “Так покажи, Брахма, десятимесячное достояние Бодхисаттвы, пусть [все] узнают, насколько оно совершенно”.

Тогда Брахма, владыка земли, сказал брахманам так: “Подождите, пока я принесу достояние Бодхисаттвы *ратнавьюху*”.

Тогда Брахма, владыка земли, поклонился ногам Господина, покинул Господина и сразу же направился в мир Брахмы.

Тогда Брахма, владыка земли, сказал богу Субрахме: «Отправляйся, почтенный, отсюда из мира Брахмы в обитель тридцати трех [богов]³³. Громким голосом возвести: “Мы принесем достояние Бодхисаттвы *ратнавьюху* к Татхагате. Кто из вас хочет посмотреть, пусть приходит скорее!”».

Тогда Брахма, владыка земли, вместе с восьмьюдесятью четырьмя сотнями тысяч миллионов богов взял достояние Бодхисаттвы *ратнавьюху* и, поместив в великую виману³⁴ Брахмы, [размером] в три сотни *йоджан*³⁵, окружив со всех сторон сотнями тысяч миллионов богов, спустил на Джамбудвипу³⁶.

В это время собралось великое множество богов, “живущих [в мире] желаний”, чтобы отправиться к Господину. И та *ратнавьюха*, достояние Бодхисаттвы, была украшена божественными тканями, божественными гирляндами, божественными ароматами, божественными цветами, божественными музыкальными инструментами, божественными предметами наслаждения. Затем ее окружили великие³⁷ боги, а Шакра, царь богов, встал на [горе] Сумеру в океане и, приблизив к лицу зонтик из пальмового листа, издали всматривался пристальным взглядом или с помощью сосредоточенности при открытых глазах³⁸. Но не мог увидеть. Почему? Великие боги-брахманы, а также трид-

цать три [бога], [боги из мира] Ямы и Тушита, [боги], Наслаждающиеся Магическими Творениями³⁹, [боги], Владеющие Магическими Творениями Других, – и у них случилось помрачение ума, что уж говорить о Шакре, царе богов!?

Тогда Господин сделал неслышным божественный звук музыкальных инструментов. Почему? Потому что, услышав его, люди на Джамбудвипе впали бы в опьянение.

Тогда четыре великих повелителя приблизились к царю богов Шакре и сказали: “О царь богов, что нам делать, мы не можем увидеть *ратнавьюху*, достояние Бодхисаттвы?” Он ответил им: “Почтенные, что я могу сделать? Мне тоже не удастся увидеть. Однако, почтенные, мы увидим ее, когда ее доставят к Господину”. Тогда они сказали: “О царь богов, тогда сделай так, чтобы [нам] увидеть ее поскорее”. Шакра сказал: “Подождите, почтенные, минуту, пока высочайшие из высших богов умилоствивят Бодхисаттву”. Затем, встав поодаль, они сосредоточенно смотрели на Господина.

И тогда Брахма, владыка земли, вместе с теми восьмьюдесятью четырьмя сотнями тысяч миллионов богов, взяв *ратнавьюху*, достояние Бодхисаттвы, доставил ее к Господину. И эта *ратнавьюха*, достояние Бодхисаттвы, великолепная, приятная, прекрасная, квадратная, с четырьмя углами. А сверху она была украшена башенкой⁴⁰ величиной с шестимесячного ребенка. А в середине той башенки устроено ложе, как скамеечка для шестимесячного ребенка. И эта *ратнавьюха*, достояние Бодхисаттвы, – такого цвета и строения, что подобных цветов и форм нет ни в мире богов, ни в [мирах] Мары или Брахмы. Увидев ее, боги пришли в изумление. Их глаза блуждали. А она, доставленная к Бодхисаттве, ярко сияла, пылала, сверкала. И словно дважды очищенное золото, хорошо обработанное искусным кузнецом, свободное от примесей, сияла тогда та башенка. И в том владении Бодхисаттвы было установлено ложе, подобного которому цветом и строением нет в мире богов, разве что у Бодхисаттвы Камбугривы⁴¹. И одеяние, в которое был облачен великий Брахма, не сияло рядом с ложем Бодхисаттвы, а было словно черное одеяло, потрепанное дождем и ветром. И башенка была сделана из змеиного сандала⁴²; одна его крупинка стоит, как тысяча миров; вот из такого змеиного сандала была вся та чистейшая башенка. И была создана такая же вторая башенка, которая находилась внутри первой башенки, не соединенная и не связанная. И такая же третья башенка, которая находилась внутри второй башенки, не соединенная и не связанная. И в той третьей ароматной башенке было установлено и застелено ложе. Цвет того змеиного сандала такой же, как у лучшей темной ляпис-лазури. И те цветы, что находятся над той ароматной башенкой, [красотой] превосходящие божественные [цветы], все они расцвели на той башенке, обретенные благодаря произростанию из корня прошлых благих дел Бодхисаттвы. И эта *ратнавьюха*, достояние Бодхисаттвы, была прочной, несокрушимой, подобной алмазу, а на ощупь приятной, как тонкая ткань. И в этой *ратнавьюхе*, достоянии Бодхисаттвы, были явлены все дворцы богов, “живущих в [мире] желаний”.

И в ночь, когда Бодхисаттва спустился в утробу матери, в ту же ночь, внизу на водах⁴³, расколов великую землю на восемьдесят шесть сотен тысяч йоджан, вырос лотос до мира Брахмы. И этого лотоса никто не видел, кроме лучшего колесничего⁴⁴ и десяти сотен тысяч великих брахм. И какая есть в трех тысячах тысяч миров сила, или лучшая часть, или сущность – все это было собрано в том великом лотосе как капля нектара.

Великий Брахма поместил ее в чистый сосуд из ляпис-лазури и принес к Бодхисаттве. Бодхисаттва взял ее и выпил из сострадания к великому Брахме. И нет среди существ такого существа, кто, вкусив эту каплю силы, как следует переварил бы [ее], кроме Бодхисаттвы, находящегося в последнем рождении, прошедшего все стадии, [чтобы стать] Бодхисаттвой⁴⁵. Благодаря созреванию какой кармы капля силы явилась к Бодхисаттве? Прежде Бодхисаттва, долгое время ведя образ жизни Бодхисаттвы, изможденным существам давал лекарства, существ, нуждающихся в пище, насыщал пи-

щей, не оставлял пришедших ради прибежища, лучшие цветы, лучшие плоды, лучшее питье всегда давал татхагатам, святилищам татхагат, общинам учеников татхагат, отцу и матери и лишь затем ел сам. Из-за созревания этой кармы великий Брахма и принес Бодхисаттве ту каплю нектара.

И те превосходные места, что были созданы в той башенке для игры и наслаждения достоинствами Майи⁴⁶, они все появились благодаря созреванию прежней кармы Бодхисаттвы.

В той *ратнавьюхе*, достоянии Бодхисаттвы, появилась пара одежд, называвшаяся “явление ста тысяч”⁴⁷. Нет ни одного существа среди всех существ, для кого бы она появилась, кроме Бодхисаттвы, пребывающего в последнем рождении. И нет ничего прекрасного по форме, звуку, запаху, вкусу и осязанию, чего бы не было в той башенке. И если башенка – достояние, то хорошее достояние, совершенное, изнутри и снаружи хорошо устроенное и мягкое. И хотя [сказано], что она приятна на ощупь, как тонкая ткань, [это] лишь для примера, но подобия ей нет. Такова праведность Бодхисаттвы, и [таково] сознание магических способностей⁴⁸ из-за прежнего обета⁴⁹, что непременно великое существо, Бодхисаттва, должно появиться в мире и, уйдя из дома, достигнув непревзойденного правильного просветления⁵⁰, должно повернуть колесо дхармы. И у матери, в чьей утробе бывает появление [Бодхисаттвы], вначале в правой [стороне] живота возникает башенка *ратнавьюхи*. А затем Бодхисаттва, спустившийся из мира Тушита, садится на ложе в этой башенке. Ведь тело пребывающего в последнем рождении Бодхисаттвы не находилось в состоянии появившегося эмбриона, эмбриона в первый месяц, эмбриона на второй месяц, эмбриона на третий месяц [и т.д.]⁵¹. Но оно появилось наделенное признаками всех основных и второстепенных частей тела⁵². И спящая мать Бодхисаттвы, царица Майя, узнала, что спустился великий слон.

Когда Бодхисаттва там восседал, Шакра, царь богов, и четыре великих повелителя, и двадцать восемь великих полководцев якшей, и называемый владыкой гухьяков⁵³ Ваджрапани⁵⁴, от которого происходит род якшей, [все] они, узнав, что Бодхисаттва вошел в утробу матери, постоянно и неотлучно находились при нем. И было у Бодхисаттвы четыре богини-прислужницы: Уткхали, Самуткхали, Дхваджавати и Прабхавати. Они, узнав, что Бодхисаттва вошел в утробу матери, постоянно и неотлучно [его] защищали. И Шакра, владыка богов, вместе с пятью сотнями богов, узнав, что Бодхисаттва вошел в утробу матери, постоянно и неотлучно [его] сопровождал.

И тело Бодхисаттвы, вошедшего в утробу матери, было таким, что, как непроглядно темной ночью большой костер на вершине горы виден на [расстояние] йоджаны, так и его было видно за пять йоджан. Таким был облик Бодхисаттвы, вошедшего в утробу матери – сияющим, прекрасным, восхитительным, великолепным. Он ярко сиял, сидя на ложе в той башенке, словно чистое золото, помещенное на ляпис-лазурь. А мать Бодхисаттвы, погрузившись в медитацию, видела вошедшего в утробу Бодхисаттву. Как молнии, вырываясь из огромной тучи, создают великое сияние, так вошедший в утробу матери, Бодхисаттва красотой, пылом и блеском озарял ту первую башенку из драгоценных камней. А озарив, озарял и вторую ароматную башенку. А озарив вторую ароматную башенку, озарял третью башенку из драгоценных камней. А озарив третью башенку из драгоценных камней, озарял все тело матери. А озарив его, озарял сиденье, на котором она пребывала. А озарив его, озарял весь дом. А озарив весь дом, через верх дома озарял восточную сторону света. А также южную, западную и северную, низ и верх, все десять сторон света, каждую сторону на целую крошу⁵⁵ Бодхисаттвы, вошедший в утробу матери, озарял красотой, пылом и блеском.

И в первую половину [каждого] дня, о монахи, приходили четыре великих владыки и двадцать восемь великих полководцев якшей вместе с пятью сотнями якшей, чтобы увидеть Бодхисаттву, восславить [его], служить [ему] и послушать дхарму. Тогда Бодхисаттва, узнав, что они пришли, подняв правую руку, одним пальцем указывал на си-

дня. И те хранители мира и прочие рассаживались на сиденья, как указано. И смотрели на вошедшего в утробу матери Бодхисаттву с телом, словно золото, двигавшего, отводившего, поднимавшего, опускавшего руку. Они совершали поклонение Бодхисаттве, испытывая радость, веселье и счастье. И Бодхисаттва, узнав, что они сели, рассказом о дхарме наставлял, побуждал, вдохновлял и радовал [их]. И когда они хотели уйти, Бодхисаттва, умом поняв их намерение, поднимал правую руку и шевелил [ею]. И пошевелив, отводил. А матери не причинял неудобств. И тогда те четыре великих владыки [понимали]: “Бодхисаттва нас отпустил”. Они, трижды обойдя вокруг Бодхисаттвы и матери Бодхисаттвы, отправлялись в путь. Это причина, это объяснение того, что Бодхисаттва тихой ночью, подняв правую руку, шевелил [ею]. И пошевелив, он, наделенный памятью и сознанием, опускал руку. И когда еще кто-то, женщина, или мужчина, или мальчик, или девочка, приходил, чтобы увидеть Бодхисаттву, их сначала приветствовал Бодхисаттва, а затем мать Бодхисаттвы.

И вот, о монахи, Бодхисаттва, сошедший в утробу матери, был способен приветствовать существа. И нет ни одного бога, или нага⁵⁶, или якши, или человека, или нечеловека, кто бы мог первым поприветствовать Бодхисаттву. Но первым приветствовал Бодхисаттва, а затем мать Бодхисаттвы.

И когда заканчивалась первая половина дня и наступал полдень, то Шакра, царь богов, выходил. И выходили тридцать три бога для лицезрения, восхваления и умилоствления Бодхисаттвы. И они шли слушать дхарму. И увидев издали, что они приближаются, Бодхисаттва, вытянув правую руку, что цветом подобна золоту, приветствовал Шакру, владыку богов, и тридцати трех богов. И одним пальцем указывал на сиденья. И Шакра, царь богов, не мог, о монахи, противиться повелению Бодхисаттвы. И Шакра, царь богов, вместе с богами садился на сиденья, как указано. И Бодхисаттва, узнав, что они сели, рассказом о дхарме наставлял, побуждал, вдохновлял и радовал [их]. И в какую сторону Бодхисаттва направлял руку, в ту сторону поворачивалась и мать Бодхисаттвы. Тогда они [думали]: “Бодхисаттва беседует с нами”. И каждому казалось: “Именно со мной беседует Бодхисаттва, именно меня приветствует”.

И в той башенке являлось отражение Шакры, владыки богов, и тридцати трех богов. Воистину, нигде в другом месте не бывает святого достояния Бодхисаттвы, такого, как у Бодхисаттвы, сошедшего в утробу матери. И когда, о монахи, Шакра, царь богов, и другие боги хотели уйти, Бодхисаттва, умом узнав о переменах в их умах, подняв правую руку, шевелил [ею]. И пошевелив, отводил, а затем, наделенный памятью и сознанием, снова опускал. А матери неудобства не причинял. Тогда Шакра, владыка богов, и другие тридцать три бога [понимали]: “Бодхисаттва нас отпустил”. Они, трижды обойдя вокруг Бодхисаттвы и матери Бодхисаттвы, отправлялись в путь.

И когда, монахи, проходило время полудня и наступало вечернее время, Брахма, владыка земли, окруженный сотнями тысяч богов мира Брахмы, встав впереди, взяв божественную каплю силы, являлся к Бодхисаттве, чтобы увидеть, восславить и умилоствить Бодхисаттву и послушать дхарму. Бодхисаттва, о монахи, замечал, что приближается Брахма, владыка земли, вместе со свитой. И Бодхисаттва, подняв правую руку, цветом подобную золоту, приветствовал Брахму, владыку земли, и богов мира Брахмы. И одним пальцем указывал на сиденья. И нет, монахи, у Брахмы, владыки земли, силы противиться повелению Бодхисаттвы. Брахма, владыка земли, вместе с богами мира Брахмы садился на сиденья, как указано Бодхисаттвой. Бодхисаттва, узнав, что они сели, рассказом о дхарме наставлял, побуждал, вдохновлял и радовал [их]. И в какую сторону Бодхисаттва направлял руку, в ту сторону обращала лицо царица Майя. Тогда каждый из них [думал]: “Со мной разговаривает Бодхисаттва, именно меня приветствует”. И когда Брахма, владыка земли, и другие боги мира Брахмы хотели уйти, то Бодхисаттва, умом узнав о перемене в их умах, подняв правую руку, цветом подобную золоту, шевелил [ею]. И пошевелив, отводил. А пошевелив и отведя, махал

рукой, давая знать, что [встреча] закончена. А матери неудобства не причинял. Тогда Брахма, владыка земли, и другие боги мира Брахмы [понимали]: “Бодхисаттва нас отпустил”. Они, трижды обойдя вокруг Бодхисаттвы и матери Бодхисаттвы, отправлялись в путь. И Бодхисаттва, наделенный памятью и сознанием, опускал руку.

С восточной, южной, западной, северной сторон света, сверху и снизу, с десяти сторон света, о монахи, приходили многие сотни тысяч бодхисаттв, чтобы увидеть, услышать и умиловить Бодхисаттву, чтобы послушать дхарму и пропеть песнопения о дхарме. Когда они приходили, Бодхисаттва, испустив из тела сияние, создавал сияющие троны. И создав, усаживал на троны тех бодхисаттв. И узнав, что они сели, он спрашивал и расспрашивал подробно об строении махаяны [каждого] бодхисаттвы. И никто другой их не видел, кроме таких же богов. Вот в чем причина, о монахи, вот объяснение того, что Бодхисаттва тихой ночью из своего тела испускал сияние.

А царица Майя, о монахи, когда Бодхисаттва вошел в утробу, не испытывала тяжести, но, наоборот, легкость, мягкость и блаженство. И она не испытывала идущих из утробы страданий. И не горела в огне страсти, в огне гнева, в огне помрачения ума. И не было у нее мыслей, связанных с желанием, мыслей, связанных со злобой, мыслей, связанных с насилием. И она не знала и не испытывала ни холода, ни жара, ни голода, ни жажды, ни апатии, ни возбуждения, ни страдания. И не воспринимались ею неприятные формы, звуки, запахи, вкусы и прикосновения. И она не видела дурных снов. И ее не мучили ни женские заблуждения, ни лживость, ни ревность, ни женские страдания. Но мать Бодхисаттвы в то время приняла пять моральных принципов⁵⁷, была добродетельной и встала на путь десяти благих дел⁵⁸. Ни у матери Бодхисаттвы не было влечения к какому-либо мужчине, ни у мужчины – к матери Бодхисаттвы. И в великом городе, [носящем] имя Капилы, или в других краях все мужчины, женщины, отроки, отроковицы, что были одержимы богом, нагом, якши, гандхарвой, асурой, гарудой или бхутой⁵⁹, от одного лишь вида матери Бодхисаттвы исцелялись и обретали память. А те нечеловеки тут же уходили прочь. И существам, которые поражены болезнью, или страдали от болезней, вызванных столкновением ветра, желчи и мокроты, или мучались от болезни глаз, или от болезни ушей, или от болезни носа, или от болезни губ, или от болезни зубов, или от болезни шеи, или от болезни горла или щек, или от нарыва на груди, проказы, вялости, сухости, безумия, эпилепсии, лихорадки, нарыва в горле, прыщей, судорог, чесотки и прочих болезней – всем этим [существам] мать Бодхисаттвы клала на голову руку. И стоило ей положить руку, они, избавленные от болезней, отправлялись в свои дома. Царица Майя также срывала с земли пучки травы и давала немощным существам. И они, получив [эту траву], становились здоровыми и благополучными. А когда царица Майя смотрела на [свой] правый бок, то она видела вошедшего в утробу Бодхисаттву, он был виден, словно лицо в чистом зеркале. И посмотрев [на него], она вновь становилась довольной, радостной, ликующей, восхищенной, счастливой, благоденствующей.

И для Бодхисаттвы, вошедшего в утробу матери, о монахи, всегда, постоянно, днем и ночью, появлялись и играли божественные музыкальные инструменты. И сыпались дождем божественные цветы. В должное время боги проливали дождь. В должное время дули ветры. В должное время сменялись времена года и созвездия. И царство наслаждалось благоденствием и обилием урожая. И в великом городе, [носящем] имя Капилы, все шакьи и другие существа ели, пили, веселились, играли, развлекались, раздавали дары, делали добрые дела, словно в праздник полнолуния первого месяца сезона⁶⁰ они предавались только⁶¹ счастливым забавам и играм. И царь Шуддходана, преданный воздержанию, хоть и занимался делами царства, исполнял дхарму, словно ушедший в святой лес подвижничества.

С такими проявлениями магических способностей, о монахи, Бодхисаттва пребывал в утробе матери. Господин сказал достопочтенному Ананде: “Ты увидишь, Ананда,

ратнавьюху, достояние Бодхисаттвы, в которой наслаждался Бодхисаттва, вошедший в утробу матери”. Тот сказал: “Я хотел бы увидеть, Господин, я хотел бы увидеть, Сугата!” Бодхисаттва показал ее достопочтенному Ананде, Шакре, владыке богов, и четырём хранителям мира, а также другим богам и людям. И увидев [ее], они стали довольными, радостными, ликующими, восхищенными, счастливыми, благоденствующими. И Брахма, владыка земли, снова поднял [ее] в мир Брахмы и установил в качестве святилища.

Тогда Господин снова обратился к монахам: “Бодхисаттва, монахи, на десять месяцев вошедший в утробу, тридцать шесть миллионов людей и богов привел к зрелому пониманию трех колесниц⁶²”. Об этом говорится так:

23. [Когда] Бодхисаттва, лучшее существо, пребывал в утробе матери, земля вместе с лесами содрогнулась шестикратно⁶³; появилось сияние золотого цвета, все несчастья были устранены, и сонм богов ликовал – явится сокровищница дхармы!

24. Сделана добротю великая *вимана*, разноцветная от многих драгоценных камней; поднявшись на нее, стоит герой-предводитель; она сияет, полная благоуханного сандала, которого одна карша⁶⁴ стоит, как три тысячи драгоценных камней.

25. Расколов тысячи нижних миров, вышел лотос Вместилища Достоинств⁶⁵ с каплей силы; на седьмую ночь он, обладающий пылом [прошлых] заслуг [Бодхисаттвы], поднялся в мир Брахмы; Брахма, взяв каплю силы, принес [ее] Бодхисаттве.

26. Нет среди существ того, кто проглотил бы ее и переварил, кроме Бодхисаттвы, много [творившего добро] в течение эпохи Брахмы; вкусив обладающую пылом заслуг многих эпох каплю силы, приходят [в мир] существа с телом и умом, очищенными знанием.

27. Шакра, Брахма, хранители мира, чтобы почтить наставника, три раза приходили к Бодхисаттве, восславив и явив почтение, слушали лучшую дхарму и, обойдя вокруг, отправлялись обратно.

28. Приходили бодхисаттвы из [всех] миров, любящие дхарму, они были видны сидящими на тронах в *прабхавьюхе*⁶⁶, и, услышав друг от друга о дхарме, о превосходной и лучшей колеснице⁶⁷, все они радостные отправлялись в путь, произнося мантры⁶⁸.

29. Среди женщин и девушек те, что тогда были страдающими, одержимыми бхутами, обезумевшими, нагими, вымазавшимися в пыли, все они, увидев Майю, приходили в себя и, обретя память, разум и способность ходить, шли по своим домам.

30. Те, у кого из-за ветра, из-за желчи, из-за возмущения флегмы была болезнь глаз, болезнь ушей, недуги ума и тела, кто был поражен болезнями разных видов и разного происхождения, выздоравливали, стоило Майе лишь положить руку [им] на голову.

31. Или же сорвав с земли пучок травы, Майя давала [его] больным, и все становились здоровыми; счастливые и благополучные шли по своим домам, ведь целителем был царь врачей, пребывающий во чреве.

32. Когда царица Майя смотрела на свое тело, она видела пребывавшего во чреве Бодхисаттву – как луна в небе окружена звездами, так Бодхисаттва был украшен признаками.

33. Ее не мучили страсть, ненависть, помрачение ума, не было у нее любовного желания, зависти и жестокости, она [была] с веселым сердцем, с радостным сердцем, счастливая и довольная; ее не мучили голод и жажда, холод и жара.

34. Все время сами собой звучали божественные музыкальные инструменты, падали дождем благоуханные, чистые божественные цветы, боги, увидев людей, и люди – нелюдей, там не причиняли вреда и не чинили насилия друг другу.

35. [Все] существа радовались и играли, появлялись еда и питье, [люди] с сердцами довольными и счастливыми радостно восклицали; земля избавилась от пыли, боги во время проливали дождь, и росли в то время травы, цветы и лекарственные растения.

36. В царском дворце семь дней шел дождь из драгоценных камней, так что бедняки брали, раздавали дары, делили; не было существа бедного и страдающего – словно в Нандане на вершине Меру, существа радовались.

37. Царь шакьев, соблюдавший обет *пошадха*, не управлял царством – преданный дхарме, он, войдя в лес подвижничества, расспрашивал царицу Майю о том, какое блаженство [испытывает] тело, поддерживающее Бодхисаттву.

КОММЕНТАРИИ

¹ “Монахи” – “Лалитавистара” написана в жанре сутры, следовательно, строится как речь Будды, обращенная к монахам.

² “Вайшакха” (*vaiśākha*) – второй месяц индийского лунного календаря (апрель–май). Основной единицей измерения времени в Древней Индии были лунные сутки (*tithi*); 30 или 29 таких суток (четыре фазы луны) составляли месяц, начинавшийся и заканчивавшийся полнолунием (для устранения разрыва между лунным и солнечным годом после каждых 30 месяцев к году добавляли еще один месяц). Наименования месяцев связаны с лунными стоянками, созвездиями (*nakṣatra*), лежащими вблизи эклиптики, и большинство месяцев названы по той лунной стоянке, в которой появлялась полная луна [Beinogius, 2004, p. 126–128]. “Вишакха” (*viśākhe*, dual.) – четырнадцатая лунная стоянка, находится под покровительством Индры и Агни, состоит из двух или четырех звезд в созвездии Весов [Monier-Williams 1993, p. 952]. В том, что касается времени рождения Гаутамы, “Лалитавистара” расходится с палийской традицией: согласно “Типитакке”, схождение Бодхисаттвы в утробу матери произошло в полнолуние месяца *ауадха* (*āṣāḍha*, пали – *āsāḥa*, июнь–июль), а полнолуние *вайшакха* считается датой его рождения [Thomas, 2005, p. 34].

³ “Пушья” (*puṣya*) – шестая или восьмая стоянка луны, соответствует части созвездия Рака: здесь, вероятно, речь идет о времени ночи, когда луна проходила через эту стоянку.

⁴ “Пошадха” (*pośadha*) – ведийское *upavasatha*, пали *uposatha*, *posatha*; первоначально – “канун дня жертвоприношения сомы”, в буддизме – название дней, предшествующих возрастанию и убыванию луны, т.е. первого, восьмого, пятнадцатого и двадцать третьего дня лунного месяца. В эти дни буддисты-миряне брали обет соблюдать восемь “добродетелей” (*śīla*): не убивать, не брать того, что не дано, не прелюбодействовать, не лгать, воздерживаться от вина и веселья, не есть в неправильное время (после полудня), избегать развлечений, не использовать умщений и украшений [Rhys Davids, Stede, 2003, p. 712–713; 708].

⁵ “Тушита” – *tuṣita*, букв. “удовлетворенный”, в буддийской космогонии четвертый из шести разрядов богов, “живущих в [мире] желаний” (*kāmvācāra*); в махаяне божественный мир Тушита рассматривается как обитель бодхисаттв, ожидающих своего схождения на землю. Боги этого мира, как и жители земли, испытывают влечение к объектам чувств, но все их желания сразу же удовлетворяются [Ермакова, Островская, 2003, с. 119]. Бодхисаттва имеет заслуги, которые позволяют ему родиться в любом из более высоких миров, но их обитатели уже никогда не сойдут на землю. Стремясь стать буддой и указать всем существам путь к спасению, будущий бодхисаттва не поднимается выше мира Тушита [Foucher, 2003, p. 18–19].

⁶ Согласно Васубандху, будущий *чакравартин* (император) сохраняет полное сознание, только пока входит в утробу матери, *пратьекабудда* (мудрец, достигающий личного просветления), также и во время пребывания в утробе, а “просветленный” (*buddha*) не утрачивает сознания, даже покидая материнское лоно [Васубандху, 1994, с. 101].

⁷ Белый слон, входящий в бок царицы Майи, – распространенный сюжет буддийского искусства [Foucher, 2003, p. 23–25].

⁸ Ашока (*aśoka*) (*Saraca indica*) – невысокое вечнозеленое дерево с оранжевыми или красными цветами; в санскритской поэзии – неперменный элемент описаний весеннего сезона.

⁹ “Собственное родовое жилище” (*svakulagrha*) – роцца ашок, в которую не может войти царь Шуддходана, является частью дворцового комплекса.

¹⁰ “Шуддхаваса” (*śuddhāvāsa*, букв. “имеющий чистую обитель”) – высший из четырех классов богов, “живущих в [мире] форм” (*rūpāvacāra*).

¹¹ “Город Тушита” (*tuṣitapura*) – городом здесь назван божественный мир Тушита.

¹² “Поведай о причине этого” – *tasya hetum śrṇusva*, фраза повторена с заменой единственного числа глагола на множественное в строфах 9 и 10 (*śrṇotha*); во всех этих случаях простая основа презенса (“слушай”), вероятно, имеет значение каузатива (“расскажи, поведай”), что допустимо в гибридном санскрите [Edgerton, 1998, т. 1, p. 189].

¹³ “Миллионы” (*naṅuta*) – огромные числа постоянно используются в “Лалитавистаре” для исчисления эпизодических персонажей; согласно словарю Эджертона, *naṅuta* – “10 в десятой степени” [Edgerton, 1998, т. 2, p. 291], но здесь и далее для перевода этого числительного используется слово “миллион”, поскольку речь идет не о точном подсчете, а скорее о создании образа бесчисленных толп, восхваляющих каждое связанное с Бодхисаттвой событие.

¹⁴ “Признаки” (*lakṣaṇa*) – имеются в виду “32 признака великого мужа”, перечисленные в гл. 7 “Лалитавистары”.

¹⁵ “Желанное царство” (*kāmarājya*) – если понимать *kāma* как имя собственное, возможен перевод “царство Камы”, но, вероятно, смысл композита: “царство, [сулящее] наслаждения”.

¹⁶ “Капилавасту” (*kapilavastu*) – столица государства шакьев; по преданию, изложенному в первой главе поэмы Ашвагхоши “Саундарананда”, город был основан на месте обители подвижника и мудреца Капилы; точное местоположение Капилавасту до сих пор вызывает дискуссии, право называться родным городом Будды оспаривают Тилауракот на территории Непала и Пилправа на севере Индии [Schumann, 2004, p. 14–17].

¹⁷ “Четыре великих владыки” (*catvāro mahārājāṇaḥ*) – боги – хранители стран света; в индуизме это – Кубера (Север), Индра (Восток), Яма (Юг) и Варуна (Запад), но в буддийских памятниках на санскрите эти боги называются иначе: Вайшравана, Дхритараштра, Вирудхака и Вирупаکش [Edgerton 1998, т. 2, p. 425]. В космографии эти боги – низший класс богов, “живущих [в мире] желаний” (*kāmāvacara*), их обитель – самая близкая к земному миру; подробнее см.: [Васубандху, 1994, с. 164] и [Ермакова, Островская, 2004, с. 113–117].

¹⁸ “Вайджайанта” – *vaijāyanta*, букв. “победный”, название дворца Индры (Шакры), описание см.: [Васубандху, 1994, с. 165–166].

¹⁹ Суйама (*suyāma*) – имя владыки богов Яма (*yāma*), третьего разряда богов, “живущих [в мире] желаний” [Edgerton, 1998, т. 2, p. 602].

²⁰ “Шакры” – общее название богов, подчиненных Шакре (Индре), далее брахмами именуются боги из мира Брахмы.

²¹ Сантушита (*saṃtuṣita*) – имя владыки богов мира Тушита.

²² Сунирмита (*sunirmita*) – глава богов разряда *nirmānaratī* (Наслаждающийся Магическими Творениями); см. комм. 39.

²³ “Владеющий Магическими Творениями Других” (*paranirmītavāśavartin*) – высший разряд богов, “живущих [в мире] желаний” [Edgerton, 1998, т. 2, p. 319]; Васубандху писал: “Есть живые существа, [поглощенные только] чувственными объектами, магически созданными другими [существами]; они живут, охваченные желанием господства над чувственными объектами, магически сотворенными другими” [Васубандху, 1994, с. 168–169].

²⁴ “Мир желаний” (*kāmadhātu*) – общее название миров, чьи обитатели подвластны желаниям (все миры до мира богов, Владеющих Магическими Творениями Других включительно).

²⁵ “Махавьюха” – (*mahāvūha*), букв. “великое проявление магической силы”.

²⁶ “Десять месяцев” – ср. в “*Accharyabbhāḍhamma-sutta*” (205) “Мадджхима-никаи”: “Я слышал и усвоил это, почтенный, от самого Господина – другие женщины рожают после того, как вынашивали эмбрион в утробе девять или десять месяцев, но не так рождает Бодхисаттву мать Бодхисаттвы. Мать Бодхисаттвы рождает Бодхисаттву после того, как вынашивала его во чреве ровно десять месяцев.”

²⁷ Как уже говорилось, формально вся сутра “Лалитавистара” представляет собой адресованную монахам речь Будды, который говорит о себе в третьем лице. Так, в первой главе Будда сообщает, что он произнес эту сутру по просьбе богов и мудрецов [Lalitavistara, 1958, p. 4]. Однако здесь вопрос Ананды прерывает монолог Учителя и ситуация беседы с монахами и сообщения им сутры оказывается изображенной со стороны. В посвященной рождению Бодхисаттвы сутре Палийского канона именно Ананда повторяет рассказ о беременности царицы Майи, когда-то сообщенный ему самим Буддой (см. вступ. статью).

²⁸ “Господин” (*bhagavān*) – букв. “счастливый”; это слово используется в индуизме для обозначения богов (особенно часто в форме звательного падежа при обращении), а в буддийских памятниках всегда обозначает Будду Шакьямуни.

²⁹ “Ратनावьюха” (*ratnavyūha*) – точный перевод затруднителен; слово представляет собой композит, состоящий из двух частей: *ratna* (“драгоценный камень”) и *vyūha* (букв. “разделение”, также “армия”, “масса, множество”, “тело”, “структура”; в вишнуйских пуранах имеет терминологическое значение “частичная манифестация божества” [Monier-Williams, 1993, p. 1041]. В буддийских текстах на санскрите означает “сверхъестественное магическое творение”, “проявление сверхъестественных способностей”; часто используется в “Лалитавистаре” как последний компонент сложных слов, в частности, в названиях медитаций (*dhyāna*), ср. выше “махавьюха” или в первой главе [Lalitavistara, 1958, p. 2], *buddhālamkāravūha* “проявление магической силы украшений Будды”, а также, когда речь идет о появлении чудесных предметов, например, *ratnachattravyūha* – “появление зонта, [украшенного] драгоценными камнями” [Lalitavistara, 1958, p. 241]. Еще примеры см.: [Edgerton, 1998, т. 2, p. 520]. “Драгоценный камень” может выступать как метафорическое обозначение самого Бодхисаттвы (ср. выше “драгоценный камень среди существ”), тогда смысл композита – “сверхъестественное творение Бодхисаттвы”. Следует также отметить, что в стихотворном тексте в конце главы сооружение, в котором пребывает Бодхисаттва в утробе матери, имеет название *prabhāvūha*, где *prabhā* – “сияние”, “блеск”, “великолепие”, а сам этот композит, неоднократно встречающийся в “Лалитавистаре”, Ф. Эджертон понимает как *manifestation of splendor* (Lalitavistara, 1958, p. 241). Поэтому сложное слово *ratnavyūha* может также означать “сверхъестественное появление сокровища”, т.е. “драгоценный камень” можно рассматривать как метафору самого сооружения. Дж.К. Нариман полагал, что *ратनावьюха* – дворец из драгоценных камней, воздвигнутый богами в утробе царицы Майи для проживания Бодхисаттвы [Nariman, 1998, p. 215]; М. Фуко переводил с тибетского как “l'exercice gracieux” [Foucaux, 1846, p. 66], Р.Л. Митра предпочел оставить композит без перевода [Mitra, 1998, p. 92].

³⁰ Сугата (*sugata* – букв. “хорошо ушедший” наречью с Татхагата (*tathāgata* – букв. “так ушедший”) – одно из наименований Будды.

³¹ “Мир Брахмы” (*brahmaloka*) – низшая из четырех обителей богов. “живущих [в мире] форм” (*rūpāvacara*); [Edgerton, 1998, т. 2, р. 270].

³² “Обойдя вокруг” (*pradaksinīkṛtya*) речь идет о совершении прадакшины, ритуального обхода вокруг святыни или божества “слева направо”, т.е. так, чтобы правое плечо все время было обращено к объекту поклонения.

³³ “Обитель тридцати трех [богов]” (*trāyatrimśadbhavana*) – вторая сфера богов, “живущих [в мире] желаний”. Правитель этой сферы – Шакра (Индра); существуют подробные описания его столицы и дворца [Ермакова, Островская, 2004, с. 117–118]. Число 33 связано с восходящим к ведийской эпохе представлением о 33 богах.

³⁴ “Вимана” (*vimāna*) – дворец бога, способный летать, повинуюсь воле своего владельца; также это слово значит просто “дворец” и “храм”.

³⁵ “Йоджана” (*yojana*) – мера длины, приблизительно равная 14 км.

³⁶ Джамбудвипа (*jambudvīpa*) – согласно буддийской космографии, земной мир состоит из четырех основных и восьми промежуточных континентов (*dvīpa* – букв. “остров”), находящихся в океане с четырех сторон от горы Сумеру. Континент Джамбудвина, на котором расположена Индия, получил название от дерева Джамбу, растущего в недоступном для обычных людей месте за Гималаями [Васубандху, 1994, с. 157–158].

³⁷ “Великий” (*maheśākhyā* – букв. “называемый великим владыкой”) – устойчивый эпитет, использующийся в описаниях царей, бодхисаттв и богов [Edgerton, 1998, т. 2, р. 427].

³⁸ “Приблизив к лицу зонтик из пальмового листа, издали всматривался пристальным взглядом или с помощью сосредоточенности при открытых глазах” (*dūrata eva mukhe tālacchatrakam dattvā śīrṣavyavalokanēnānīvilokayati sma unmeśadhyāyikayā vā*) – фраза представляется не совсем ясной; возможно, Шакра держит лист пальмы над глазами, чтобы свет солнца не мешал всматриваться вдаль; перевод части высказывания основан на толковании Ф. Эджертона: *śīrṣavyavalokanēnānīvilokayati sma* – “looked with a side-ways turn (look) of the head (to try to see better)” [Edgerton, 1998, т. 2, р. 516] и *unmeśadhyāyikayā vā* – “or with open-eyed intentness” [Edgerton, 1998, т. 2, р. 288]. Перевод Р. Митры: “held forth from a distance a palm-leaf umbrella, and, turning his head towards it, watched the house attentively” [Mitra, 1998, р. 93].

³⁹ “Наслаждающийся Магическими Творениями” (*nirmānarati*) – четвертый разряд богов, “живущих в [мире] желаний” (*kāmāvacara*); Васубандху писал: “Есть живые существа, [поглощенные только] чувственными объектами, созданными магическим образом; они живут, подчиненные желанию господства над магически сотворенными чувственными объектами. Это боги [класса] Наслаждающиеся Магическими Творениями”.

⁴⁰ “Башенка” (*kūtāgāra* – букв. “дом на вершине”) – термин традиционной индийской архитектуры, означающий небольшое строение для жилья на плоской крыше дворца или дома.

⁴¹ “Разве что у Бодхисаттвы Камбугривы” (*anyaṭra kumbagrīvāyā bodhisattvasya*) – текст, вероятно, испорчен: слово *kumbagrīvā* (букв. “[имеющая] шею, [подобную] раковине”) стоит в женском роде и поэтому не может быть эпитетом Бодхисаттвы; согласно Ф. Эджертому (сл. ст.), это имя демоницы (*paśāci*), однако контекст не допускает такого значения.

⁴² “Змеиный сандал” (*uragasāracandana*) – согласно словарям Моньер-Вильямса и Эджертона, композит встречается только в буддийских текстах; возможно, наименование связано с известным из санскритской поэзии представлением, что змеи любят жить на сандаловых деревьях, однако остается неясным, идет ли речь о реальной породе сандала или о некоем “мифическом” материале.

⁴³ “Воды” (*āpaskandha* – букв. “масса воды”) – речь идет о водах, расположенных под континентами земного мира; см.: [Васубандху, 1994, с. 152 и прим. с. 264].

⁴⁴ Лучший колесничий (*sārathinarottama* – букв. “лучший муж-колесничий”) – метафорическое наименование Бодхисаттвы, призванного управлять людьми, как возница лошаадьми и повозкой.

⁴⁵ “Все стадии, [чтобы стать] Бодхисаттвой” (*sarvabodhisattvabūmni*) – 10 этапов морального совершенствования, которые в течение многих жизней должно пройти существо, чтобы сделаться Бодхисаттвой.

⁴⁶ “Места для игры и наслаждения” (*māyāguṇaratikrīḍāsamavaśṛtasthānāni*) – перевод данного композита затруднителен; Р. Митра полагал, что *māyā* здесь не следует понимать как имя собственное; его текст: “all and every place of superhuman excellence as regards enchantment and pleasure” [Mitra, 1998, р. 95].

⁴⁷ “Явление ста тысяч” (*śatasahasravūha*, о слове *vūha*, см. прим. 29). Число “сто тысяч”, возможно, связано с одним из санскритских наименований лотоса – *śatasahasrapattra* – “имеющий сто тысяч лепестков”; тогда одеяние Бодхисаттвы по цвету и красоте уподоблено лотосу; в переводе Р. Митры “like the aggregate of a hundred thousand pieces” [Mitra, 1998, р. 95].

⁴⁸ “Магические способности” (*Rddhī*), т.е. способность творить чудеса (*prātihārya*); входит в число высших способностей (*abhijñā*) Бодхисаттвы: божественное зрение (*divyacakṣus*), божественный слух (*divyaśrotra*), знание чужих мыслей (*aracittajñāna*), память о прошлых рождениях (*pūrvanivāsānumṛti*), магические способности (*jddhi*); [Edgerton 1998, т. 2, р. 50].

⁴⁹ “Из-за прежнего обета” – речь идет о данном много жизней назад обете (*praṇidhāna*) – статья Бодхисаттвой; подробнее см.: [Стронг, 2001, с. 35–48].

⁵⁰ “Непревзойденное правильное просветление” (*anuttamā samyagsambodhi*) – два постоянных эпитета просветления Будды Шакьямуни многократно встречаются в Палийском каноне [Rhys Davids, Stede, 2003, p. 695].

⁵¹ “Эмбрион” – Васубандху выделял пять стадий развития эмбриона [Васубандху, 1994, с. 103], из которых в нашем тексте перечислены 4 (*kalala, arbuda, ghaṇa, peśin*), однако третья и четвертая стадии поменяны местами: подробнее об индийской эмбриологии см.: [Dasgupta, 1961, p. 302–319].

⁵² “Основные и второстепенные части тела” (*aṅgaprayāyīga*) – согласно традиционной индийской медицине, человеческое тело состоит из шести основных частей (*aṅga*): голова, туловище, руки и ноги; все остальные компоненты облика человека – глаза, уши, нос, пальцы и т.д. – рассматривались как второстепенные (*pratyāṅga*).

⁵³ “Якши и гухьяки” (*yakṣa, guhyaka*) – синонимичные названия божественных существ низшего разряда, обитавших не в высших мирах, а на земле; якши многократно упоминаются в “Типитаке” и часто изображаются в буддийской скульптуре.

⁵⁴ Ваджрапани (*vajrapāṇi* – букв. “[тот, у кого] в руке ваджра”) – имя якши, неоднократно упоминаемого в буддийской литературе и иногда отождествляемого с Индрой [Edgerton 1998, т. 2, p. 467], в “Типитаке” изображен опасным и грозным полубогом, вооруженным железным молотом и умеющим летать [Rhys Davids, Stede, 2003, p. 545].

⁵⁵ “Кроша” (*krośa* – букв. “крик”, мера длины) – одна четвертая йоджаны (см. прим. 35).

⁵⁶ “Наг” (*nāga*) – мифическое существо, получеловек-полужмя, основной объект почитания в культе змей.

⁵⁷ “Пять моральных принципов” (*pañcaśikṣāpada*) – пять правил, обязательных для всех буддистов, как монахов, так и мирян: не убивать, не присваивать чужого, не совершать неправильных поступков ради наслаждений, не лгать, воздерживаться от спиртного [Warder, 2004, p. 185].

⁵⁸ “Десять благих дел” (*daśakuśalakarma*) – также “десять добродетелей” (*daśaśīla*) – основные принципы буддийской этики: не убивать, не присваивать чужого, не прелюбодействовать, не лгать, не клеветать, воздерживаться от грубой речи, воздерживаться от бессмысленной и развязной речи, не завидовать, воздерживаться от гнева, избегать ложных взглядов [Rhys Davids, Stede, 2003, p. 712–713].

⁵⁹ “Гандхарва” (*gandharva*) – мифическое существо; в ведийскую эпоху гандхарвы считались повелителями невесты до свадьбы, опасными для замужних женщин во время беременности и способными причинить вред эмбриону; в индуизме гандхарвы – небесные музыканты, вместе с апсарами входящие в свиту Индры; в буддизме присутствие гандхарвы рассматривалось как необходимое условие зачатия [Васубандху, 1994, с. 89]. “Гаруда” (*garuḍa*) – в индуизме царь птиц, на котором перемещается бог Вишну; здесь, вероятно, служит обозначением некоего класса существ. “Бхута” (*bhūta*) – дух умершего, оставшийся на земле, демоническое и вредоносное существо.

⁶⁰ “Праздник полнолуния первого месяца сезона” (*kaumodī cāturmāsī*) – возможно, имеется в виду полнолуние первого месяца осени, ашвина (сентябрь-октябрь), отмечавшийся как праздник (*kaumudīcāra*); но речь может идти и обо всех первых полнолуниях шести сезонов.

⁶¹ “Только” – в тексте *ekāntare* (“в следующем”), что представляется бессмысленным. Предпочтительно заменить это слово на приведенное как разночтение *ekānte* (*adv.*) – “только”, “исключительно”.

⁶² “Три колесницы” – хинаяна (*hīnayāna* – букв. “малая колесница”), махаяна (*mahāyāna* – букв. “великая колесница”) и ваджраяна (*vajrayāna* – букв. “алмазная колесница”) – три направления в буддизме.

⁶³ “Шестикратно” (*ṣaḍvikāra*). Р. Митра рассматривает этот композит как определение к слову “земля” и переводит “*the product of the transformation of the six*” [Mitra, 1998, p. 100]. В примечании к переводу ученый пишет: “Я полагаю, что шесть подразумевает пять элементов и пракрити, но я не уверен”. В моем переводе слово толкуется как наречие, относящееся к *prakampitā* (“содрогнулась”), однако уверенности нет и у меня.

⁶⁴ “Карш” (*karṣa*) – мера веса, использовавшаяся для взвешивания золота и серебра; точное значение неясно.

⁶⁵ “Вместилище Достоинств” (*guṇākara*) – обычно имя одного будды прошлых эпох, но здесь, вероятно, эпитет самого Гаутамы.

⁶⁶ “Прабхавьюха” – в тексте “гибридная” форма *prabhāvīyūha*; синоним *ratnavyūhi* (см. прим. 29).

⁶⁷ “Лучшая колесница” (*yānaśreṣṭha*) – метафора буддийского учения.

⁶⁸ “Мантра” (*varṇamālā* – букв. “гирлянда звуков”, т.е. “алфавит”) – перевод предположительный; в переводе Р. Митры эта часть строфы не отражена [Mitra, 1998, p. 101].

⁶⁹ “Нандана” (*nandana* – букв. “радость”) – название одного из четырех парков рядом со столицей Шакры Вайджаянтой, см.: [Васубандху, 1994, с. 165].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андросов В.П. *Будда Шакьямуни*. М.: Вост. литература, 2001.
 Васубандху. *Абхидхармакоша*. Раздел третий. Учение о мире. Пер. с санскр., введ., коммент. Е.П. Островской, В.И. Рудого. СПб.: Андреев и сыновья, 1994.
 Ермакова Т.В., Островская Е.П. *Классический буддизм*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004.

- Стронг Дж. Будда. Краткая биография / Пер. О. Перфильева. М.: Фаир-пресс. 2001.
- Beinorius A. The Followers of the Stars: On the Early Sources and Historical Development of Indian Astrology // *Acta Orientalia Vilnensia*. 2003. Vol. 4. Vilnius University Publishing House.
- Dasgupta S. *A History of Indian Philosophy*. Vol. 2. Cambridge, 1961.
- Edgerton F. *Buddhist Hybrid Grammar and Dictionary*. Vol. 1: Grammar; vol. 2: Dictionary. Delhi: Motilal Banarsidass. 1998 (1st. ed. New Haven, 1953).
- Foucaux Ph. *Rgya tch'er rol pa* (тибетский текст и французский перевод "Лалитавистары"). Р., 1847.
- Foucaux Ph. *Le Lalita-vistara – Developpement desjeux*. Т. 1–2. Р.: Annales de Musée Guimet, 1884–1892.
- Foucher A. *The Life of the Buddha According to the Ancient Texts and Monuments of India* / Transl. by S.B. Boas. Delhi: Munshiram Manoharlal, 2003.
- Kern H. *The Saddharma-pundarika or the Lotus of the True Law. Introduction*. Delhi: D.K. Publishers, 1996 (1st. ed. Oxford, 1884).
- Lalitavistara* // Ed. By P.L. Vaidya. *Buddhist Sanskrit Text*. № 1 / Published by The Mithila Institute of Post-Graduate Studies and Researches in Sanskrit Learning. Darbhanga, 1958.
- Majjhima Nikāya*. Vol. 1–3 / Ed. by V. Trenkner and R. Chalmers. L., 1948–1951.
- Mahāvastu avadāna*. Vol. 2 / Ed. by R. Basak. Darbhanga: Mithila Institute of Post-Graduate Studies and Researches in Sanskrit Learning, 2003.
- Mitra R.L. *The Lalita-vistara* / English Translation (Chs. 1–15). Delhi: Sri Satguru Publications, 1998 (1st. ed. Calcutta, 1881–1886).
- Monier-Williams M. *A Sanskrit-English Dictionary*. Delhi: Motilal Banarsidass, 1993 (1st. ed. Oxford, 1899).
- Nariman G.K. *Literary History of Sanskrit Buddhism*. Delhi: Pilgrim Books, 1998 (1st. ed. Bombay, 1919).
- Oldenberg H. *Buddha, His Life. His Doctrin, His Order* / Transl. by W. Hoey. Varanasi: Pilgrims Publishing, 2000 (1st. ed. L., 1882).
- Rhys Davids T.W, Stede W. *Pali-English Dictionary*. Delhi: Motilal Banarsidass, 2003 (1st. ed. L., 1921–1925).
- Schumann H.W. *The Historical Buddha* / Transl. by M. Walshe. Delhi: Motilal Banarsidass, 2004.
- Thomas E.J. *The Life of Buddha as Legend and History*. Delhi: Motilal Banarsidass, 2005 (1st. ed. L., 1927).
- Warder A.K. *Indian Buddhism*. Delhi: Motilal Banarsidass, 2004 (1st. ed. Delhi, 1970).
- Winternitz M. *A History of Indian Literature. Vol. 2. Buddhist Literature and Jaina Literature* / Transl. by S. Ketkar and S. Kohn. Delhi: Motilal Banarsidass, 1977.